

ГВИДО КНОПП

СС —

ИНКВИЗИЦИЯ

ГИТЛЕРА

Взлёт и падение Третьего рейха

Гвидо Кнопп

СС – инквизиция Гитлера

«Алисторус»

2020

УДК 355/359
ББК 63.3

Кноп Г.

СС – инквизиция Гитлера / Г. Кноп — «Алисторус»,
2020 — (Взлёт и падение Третьего рейха)

ISBN 978-5-907255-72-2

В книге Гвидо Кноппа, известного немецкого писателя и историка, повествуется об истории и деятельности СС – отрядов охраны фюрера, ставших государством в государстве. Автор приводит более 1000 свидетельств тех, кто пострадал от рук эсэсовцев или был причастен к деятельности Черного ордена, а также рассказов «охотников» за скрывающимися от правосудия членами СС. На основе собственных исследований, личных дневников представителей правящей верхушки фашистской Германии и откровений жертв нацистского террора воссоздается всесторонняя картина общественной и политической жизни Европы времен германского Третьего рейха.

УДК 355/359

ББК 63.3

ISBN 978-5-907255-72-2

© Кноп Г., 2020
© Алисторус, 2020

Содержание

Предостережение истории	6
Глава 1. Борьба за власть	11
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Гвидо Кноп

СС – инквизиция Гитлера

© Кноп Г. 2020

© Чикишев А. В., пер. с нем., 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

Жертвам СС посвящается

Предостережение истории

Эта организация была самым террором. Она совершала массовое уничтожение людей. Она, как никакая другая структура в империи Гитлера, олицетворяла убийственный бред о сверхчеловеке. СС – обе эти буквы из древнегерманской рунической письменности в полной мере воплощают наиболее эффективный и опаснейший властный инструмент диктатуры национал-социализма. В течение нескольких лет СС (отряды охраны) превратились из малозаметной личной охраны в государство в государстве Гитлера, в государстве рабов.

«Твоя честь – твоя верность» – под этим лозунгом Генриха Гиммлера члены СС должны были, как «пожарная команда», затыкать бреши на фронтах, безжалостно эксплуатировать пленных и подневольных рабочих, хладнокровно убивать людей в составе мобильных эскадронов смерти на фронтах и в концлагерях. Осуществлять холокост по приказу Гитлера в нацистском государстве оказалась в состоянии только одна структура, а именно СС.

Эта книга – не очередная попытка к полезным и основательным трудам по истории СС добавить еще одну работу. Наоборот, именно теперь, когда еще не ушли из жизни последние преступники и их жертвы, в книге подводится публицистический итог параллельно с телесериалом, создание которого нашло международную поддержку. Эта книга, рассчитанная на громадную аудиторию читателей, написана с привлечением многих до сих пор не публиковавшихся источников из архивов от Москвы до Вашингтона, с использованием свидетельств живых очевидцев и участников истории СС – жертв, преступников, противников и попутчиков, которые до сих пор не высказывались на эту тему.

Приводимые в книге документы и высказывания современников тех времен, учитывая их нынешний солидный возраст, будут недоступны и невозможны через какие-нибудь четыре-пять лет. Вот почему наступил последний срок для написания этой книги.

Отряды охраны – СС появились незаметно. В мае 1923 года на кегельбане мюнхенского трактира «Торброй» пробил час рождения «штурмовой группы Гитлера».

В первую ячейку Черного ордена вошли 22 человека. Их задача заключалась в том, чтобы защищать во время потасовок на собраниях в больших залах жизнь «барabanщика», который вознамерился стать вождем, – «фюрером». На своих черных головных уборах они носили эмблему «Мертвая голова», заимствованную у личного состава 1-го гвардейского саперного полка резерва, который в Первую мировую войну успешно применял огнеметы на передовых позициях.

«В смерть презирающем экстазе боя» – именно с таким настроением окопной войны намеревались штурмовые отряды фронтовиков свергнуть ненавистную Республику. После первой попытки, провала гитлеровского путча, вышедший из тюрьмы в 1925 году вожак создал новую штурмовую группу, но теперь уже под названием «отряд охраны», сокращенно СС. Все последующие отряды и части СС, как и первый, с самого начала считались элитой партии, личными телохранителями фюрера, присягнувшими ему на верность и беспрекословное повиновение. Кандидаты для вступления в отряды СС отбирались в возрасте от 23 до 35 лет, должны были иметь двух поручителей, быть здоровыми и крепко сложенными, ростом не менее 1,7 метра и, естественно, иметь «арийское происхождение».

Но в годы, предшествовавшие захвату Гитлером власти, горстка эсэсовцев растворилась в миллионной армии СА (штурмовых отрядов), «коричневые батальоны» которой определяли характер уличных боев. И хотя шеф СС Гиммлер дал общее направление движению: «СА – это линейные войска, а СС – гвардия», однако именно штурмовые отряды и части СА под руководством Эрнста Рема расчищали путь к имперской канцелярии и все ожесточеннее требовали своего участия в управлении государством.

Час истины пробил 30 июня 1934 года. В беспрецедентной операции по физическому уничтожению специальные команды СС отправили по указанию Гитлера на тот свет всю руководящую верхушку СА. С этой «немецкой варфоломеевской ночи» начался взлет и превращение СС в самую могущественную организацию террора в «Третьей империи».

Потерпевшие поражение коричневые революционеры были для Гитлера, скорее, весомой опасностью, чем просто препятствием на пути. Разнузданный террор по отношению к руководящим кадрам СА после захвата власти запугал буржуазию, помешанную на сильной власти в государстве. Разочарованный союзом Гитлера с представителями старой власти, шеф СА Рем потребовал перехода от национальной к «национал-социалистической революции», а также все еще не состоявшегося вознаграждения его коричневых орд за «жертвы боевого времени».

Все это подвергало опасности союз нового канцлера с рейхсвером, с армией, которая ему была нужна, чтобы достичь имперских целей. Поэтому пособники Гимmlера Гейдрих и шеф гестапо Дильс срочно приступили к сбору материалов против предполагаемого «путчиста» Рема.

Но опасности «путча Рема» никогда не существовало. Мещанина из слухов, сфабрикованных доказательств и ложных косвенных улик послужила, предлогом для того, чтобы свалить неугодного скандалиста Рема. Части СС и полиции, вооруженные оружием рейхсвера, уничтожили не только верхушку СА, но и консервативно настроенных противников режима – старых соратников Гитлера Грегора Штрассера и бывшего рейхсканцлера Курта фон Шлейхера.

Но истинными победителями во внутрипартийной борьбе за власть стали отряды СС под руководством своего донныне малоизвестного рейхсфюрера. Взлет СС неразрывно связан с судьбой Генриха Гимmlера. Его сокровенный лозунг – фривольное заимствование из резерва старой Пруссии – гласил: «Казаться немного большим, чем есть на самом деле». Едва ли кто мог когда-нибудь предположить, что именно этот невзрачный человек станет самым могущественным сатрапом Гитлера.

Как неопикуемы преступления, связанные с его именем, так банален человек, по чьему указанию они совершались. Современниками он характеризовался как «совершенно незначительная личность», как «человек без характера», во всяком случае, как тип «прижимистого педанта». В другие времена он, несомненно, смог бы развернуть в полной мере свои способности бюрократа.

Как финансовый чиновник подписывает сотни налоговых деклараций, так Гимmlер решал задачу истребления народов как чисто организационную проблему. То, что гитлеровский холокост осуществлялся так основательно, по отработанной до автоматизма системе, дело рук прежде всего Гимmlера. Он лично инспектировал фабрики смерти. Он требовал ежедневных докладов о количестве уничтоженных людей в концентрационных лагерях.

Шеф СС не был интеллигентом, скорее нескладным, трусливым и нерешительным субъектом. Он приобрел авторитет не убедительностью своей личности, а путем целеустремленного упорства, направленного на последовательное усиление своей власти. Организаторские способности и сознательно создаваемый образ непреклонного службиста сделали его незаменимым исполнителем воли хозяина.

В конце своей карьеры Гимmlер, будучи рейхсфюрером СС, шефом германской полиции, имперским министром внутренних дел и главнокомандующим войсками резерва, стал вторым после Гитлера могущественным человеком в Империи. Его идеалом был трезво мыслящий, готовый на самопожертвование насильник, его целью – воспитание человека такого типа. Своим подчиненным он внушал принципы честности и нравственности одновременно с насилием и массовым уничтожением людей, провозглашая бессердечие как благодеяние, а жестокое убийство как силу.

В конечном счете Гимmlера ничуть не волновали страдания жертв, но беспокоили возможные душевные терзания самих убийц. Трезвомыслие и холодный рационализм были, конечно, лишь одной стороной его противоречивого склада ума. Но одновременно он является автором невероятной похлебки, приготовленной из теории о расах, учения о лечении целебными растениями и из народного оккультизма.

Как раз этот исполнительный палач, «верный Генрих», занимался двуликой политикой отчаяния в последние месяцы войны. С одной стороны, он был инициатором создания таких химер как фольксштурм. (народное ополчение) и вервольф (оборотни), а с другой – предлагал Западу в закулисных переговорах капитуляцию, реально не осознавая, что его имя уже давно стало синонимом массовых истреблений людей. Вот так он теперь предавал своего фюрера, как сделал это 11 лет назад, предав обоих своих первых покровителей – Эрнста Рема и Грегора Штрассера. Чего стоил в финале его хваленый лозунг СС «Твоя честь – это верность», Гимmlер показал на собственном личном примере.

Еще в тридцатые годы палadini режима в шутках часто упоминали «Четырех Г», имея в виду Гимmlера, а точнее, его несамостоятельность (Гимmlер Глядит Глазами Гейдриха). И действительно, Рейнгард Гейдрих, офицер, изгнанный из ВМФ, сделал в иерархии СС молниеносно-головкружительную карьеру. Для Гимmlера он создал разветвленную систему службы безопасности СС. Он превратил гестапо в символ для Германии Гитлера, в синоним постоянной угрозы быть убитым в любое время. Он учредил Главное управление имперской безопасности СС – громадный аппарат насилия и террора.

Однако следует развеять легенду о гестапо как о всезнающей, всемогущей тайной полиции. В гитлеровской Германии о ней говорили как об огромной, подобно спруту, властной структуре, само существование которой должно было убеждать каждого, что сопротивление бесполезно. Десятилетиями после войны слово «гестапо» воспринималось как синоним господства насилия внутри страны.

В действительности же гестапо была намного слабее, чем утверждает легенда. Гейдрих сумел создать государство шпиономании лишь потому, что свои услуги предложила целая армия добровольных доносчиков, так называемых «апостолов служения по зову души» в империи нацизма. Без великого множества клеветников гестапо была бы слепой и глухой. Никогда еще в истории Германии не было возможности для желающих легко оклеветать неприятных соседей, конкурентов или просто людей, которых ненавидели. Превратить их в беспомощные жертвы аппарата насилия, лишит работы и будущего и, наконец, подвести под топор палача. Волны подлости захлестнули страну. Следы этого страшного потока сохранились через десятилетия в тысячах папок и дел с кляузами и доносами.

Гейдрих был обязан Гимmlеру своим карьерным взлетом, и он платил за это безграничной преданностью и беспощадной жестокостью. Бред Гимmlера о чистоте расы и холодный расчет Гейдриха относительно реальных возможностей образовали фатальную комбинацию.

Гейдрих являл собой прототип менеджера власти, который на лету схватывал нечетко сформулированные намерения Гитлера, предвидел возможные их последствия и цели в будущем еще до того, как диктатор отдавал приказы на этот счет. Если кто-то «работал» навстречу «фюреру», то это был Рейнгард Гейдрих.

Гейдрих, шеф службы безопасности, энергично ухватился за организацию «Окончательного решения еврейского вопроса» не в последнюю очередь еще и потому, что ревностно добивался благосклонности «фюрера», в расчете однажды самому стать рейхсфюрером СС. Еще перед войной швейцарец Карл Буркхард назвал его «молодым и злобным идиолом смерти».

Ральф Джордано, ставший одним из первых жертвой гестапо, писал: «Гейдрих был прототипом такого нового человека, какого хотел иметь национал-социализм. Он был героем поколения фаталистов, утверждавших, будто любая бесчеловечность допустима и возможна».

Возможно было все, в том числе и истребление миллионов людей. Рейнгард Гейдрих его организовал, но не дожил до его завершения. В июне 1942 года он стал жертвой покушения. А что могло произойти, если бы Гейдрих остался жив? Гейдрих был своего рода предтечей того, что могло, вероятно, получиться из гитлеровского государства – государство СС.

В великогерманской империи от Атлантики до Урала, покрытой автострадами, увенчанной храмами в честь мертвых героев, находились бы под пятой нацистов около 90 миллионов славян. Из этого количества требовались 14 миллионов рабов для подневольного труда, примерно 30 миллионов человек подлежали уничтожению, а остальных ожидало изгнание за Урал. Рейнгард Гейдрих, олицетворявший нового человека СС, не стал бы колебаться ни минуты, чтобы претворить в жизнь это видение ужаса. На Нюрнбергском судебном процессе Гейдрих не сидел на скамье подсудимых. Иначе, был бы приговорен к смерти.

В Нюрнберге организация СС была отнесена к категории уголовных. В заключительной фазе Второй мировой войны она, насчитывая в своем составе почти 900 000 человек, являлась мощной вооруженной силой под названием «войска СС». До сих пор нет единогласия в оценке войск СС. Считать их элитными войсками или бандой преступников? Были их солдаты такими же, как солдаты других армий? А что значили для них понятия «солдатская храбрость и наступательный дух»? Или это были нацистские громилы и мясники, специально натасканные на то, чтобы по первому зову громить и разносить вдребезги все и вся? Доказательства носят двойственный характер.

Танковые дивизии СС, особенно после Сталинграда, вели боевые действия прежде всего «на горящих направлениях Восточного фронта», выполняя роль «пожарных команд», часто с громадными потерями. Потери, естественно, имелись и у вермахта. Но в то же время, войска СС позорно выделялись среди других своими военными преступлениями в боевой обстановке. В жестокости они, естественно, были не одиноки, и различия между вермахтом и войсками СС были совсем не так велики, как это часто представляется. Тем не менее эксцессы со стороны частей СС оставляли вермахт далеко позади по своей чудовищности. Слово «Орадур» символизирует многие другие преступления, совершенные эсэсовцами. После войны ветераны войск СС пытались доказать недоказуемое: мол, солдаты войск СС являлись обычными воинами, которые ничего общего не имели с преступлениями эскадронов смерти и концлагерями.

Возможно, такими считали себя те эсэсовцы, которых насильно поставили под ружье. Однако в действительности все обстояло иначе. Связи между войсками СС и общими формированиями СС были очень тесные. Офицерские кадры готовились по одним программам, независимо от того, где они затем проходили службу, – в концлагерях, в органах управления или на фронте. Это были как раз совсем другие, а не обычные солдаты в общепринятом понимании.

Что касается частей и соединений СС «Мертвая голова», то вопросы вины того или иного эсэсовца в местах чудовищных преступлений, как правило, даже не обсуждались. Все они составляли основу войсковых убийц, непосредственно осуществлявших холокост. Наверное, будущие поколения с удовлетворением согласились бы считать их и многих других членов СС в целом как уголовников, как врожденных садистов.

Но тогда это бы значило, что мы вправе считать их ублюдками человечества. Однако в рядах СС служили «абсолютно нормальные люди» из здоровых слоев населения, представители социально обеспеченных групп общества. Организация СС не была единым, корпоративно монолитным целым. Она являла собой сложный и динамичный организм, который в течение 20 лет своего существования постоянно изменялся.

Мужчины (и женщины), которые в ней служили, были очень разными. Одни – были «верующими послушниками», которые «Ордену с изображением «Мертвой головы» приписывали почти религиозную миссию». Другие руководствовались положениями из гиммлеровского арсенала, которые им были по душе, – остальное, что не нравилось, они просто игно-

рировали. А третьи видели в СС прежде всего шанс сделать карьеру. И хотя публично они признавали свою приверженность идеологии Черного ордена, в душе были очень далеки от нее.

Раньше существовала безработная интеллигенция, которая в СС видела единственную возможность стать твердо на ноги и придать смысл своей дальнейшей жизни. И кроме того, здесь нашли приют и подонки общества. Не только в частях СС «Мертвая голова», но и в других формированиях войск СС. Это уголовники, антисоциальные элементы, садисты и убийцы. Если в самом начале основу СС составляли прежде всего проверенные в потасовках на собраниях ветераны Первой мировой войны, то после захвата власти Гитлером в Черную гвардию ринулись представители «лучших сословий». Гиммлер принимал в СС оптом целые организации типа «Мужской клуб верховой езды» или «Союз Кифгойзер».

В высших кругах СС было излишне много выходцев из дворянских семей. Академики и представители свободных профессий вербовались преимущественно в разведслужбу и экономику империи. В СС использовались общевойсковые офицеры для подготовки рекрутов к службе в частях специального назначения – ядра будущих войск СС. Кроме того, шеф СС Гиммлер присваивал «почетные звания» СС сотням ведущих промышленников, дипломатов и государственных служащих. Немецкий принц становился таким же эсэсовцем, как крестьянин из Пфальца, который, будучи охранником в концлагере, убивал евреев.

Организация СС стала также зеркальным отражением немецкого общества. Подавляющее большинство его граждан были «абсолютно нормальными людьми», которые в совершенно ненормальных условиях становились порой преступниками, потому что их в этом поощряло криминальное государство. Если государство заявляет, что, хотя убийство людей уже само по себе есть жестокое и антигуманное деяние, но которое в конечном счете приведет к высоким и «добрым» целям, то, очевидно, узы человеческой морали не настолько крепки, чтобы препятствовать преступному поведению сотен тысяч людей.

Из тех, кто стал преступником, далеко не все осознавали, что творят зло. Какова же мораль истории? Каждый мог стать преступником. Каждому грозит опасность, когда преступное государство разрушает границы между добром и злом. Человеческая природа сама по себе слаба. В каждом из нас есть частица Гиммлера и Менгеле, Эйхмана и Гейдриха. Все эти люди в другое время и при других обстоятельствах прожили бы свои «совершенно нормальные» жизни, как обычные неприметные граждане страны. Гиммлер, наверное, как старший учитель? Гейдрих как морской офицер? А Менгеле – детский врач?

Было бы легкомысленно уповать на одну лишь гуманность человека, которая нестабильна и хрупка. Только свободное государство с четкими нормами и законами, опираясь на достойное человека общество, может эффективно препятствовать тому, чтобы в будущей истории право не превращалось в бесправие. Преступное государство, поддерживающее такую организацию как СС, вообще не имеет права на существование. А пока история СС – это есть прежде всего предостережение истории на будущее.

Глава 1. Борьба за власть

«Я сказал себе тогда, что мне необходима личная охрана, пусть немногочисленная, но беспредельно преданная мне, члены которой могли бы пойти против своих собственных братьев. Лучше иметь 20 человек из одного города при условии, что на них можно полностью положиться, чем располагать большой, но ненадежной массой людей».

Гитлер о создании войск СС

«Существовала угроза организованного выступления штурмовых отрядов Рема, так сказать, своего рода государства в государстве, и тем самым возникала опасность для Гитлера и его пособников».

Эберхард Рихтер, в то время проживавший в Берлине

«В конечном счете это была силовая разборка между отрядами СС и СА, в ходе которой были устранены эсэсовцы и многие из тех, кто никакого отношения к путчу не имел».

Альберт Шнейер, на допросе американцам в мае 1945 года

«Эсэсовцев я видел и тогда, но их было мало. Однако складывалось впечатление, что СС были лучше организованы, чем отряды СА, и напоминали регулярные части. Отряды СА, наоборот, больше походили на неорганизованную толпу».

Йозеф Цандер, проживавший тогда в Бад Годесберге

«Руководящие лица пришли из рейхсвера и из германской военщины. А рядовой состав вербовался из рабочего класса, среди безработных, которым бесплатно давали одежду и сапоги».

Пауль Гольман, коммунист, в 1933 году – пленник СА

«Мы требуем упразднения наемных войск и создания народных вооруженных сил».

Из 25 пунктов Программы нацистской партии (НСДАП) 1920 года

«Конечно, я пошел к трактиру «Бюргербройкеллер» и сразу увидел, что там вдруг появились люди с винтовками и нарукавными повязками со свастикой. Они были еще в гражданской одежде, но большинство из них уже тогда с оружием в руках сосредоточились по группам».

Карл Фюсс, живший тогда в Мюнхене

«Он не производил впечатления человека, вызывающего доверие. Это был поистине грубый тип громилы из альбома преступников».

Рабин фон Каништейн, офицер вермахта о Реме

«Отряды СА – это войско, а отряды СС – это гвардия. Гвардия существовала всегда: у персов, у греков, у Цезаря, у Наполеона, у старого Фрица, вплоть до мировой войны. И гвардией новой Германии станут войска СС».

Генрих Гиммлер

«До 1932 года невозможно было увидеть отряды СС на городских улицах. Там были только штурмовики СА. И с уличными боями СС не имели ничего общего. Отряды СА были повсюду, а позже, в «хрустальную ночь», они поджигали синагоги. СС же очень искусно держались в стороне от всех этих дел»

Пауль Вольман, коммунист, в 1933 году узник СА

«Отряды СА должны были наводить страх. Партии социал-демократов и коммунистов Германии всегда были готовы к тому, что на их собраниях могли незванно появиться погромщики из СА».

Отто Гричнер, адвокат из Мюнхена, об отрядах СА до 1933 года

«Войска СС – это были наши кумиры. Они были пунктуально точны. Не то что там какая-то разболтанная толпа людей типа СА».

Фридрих Хабенилтро, солдат войск СС

«Я живу для моего фюрера. Мысль о Нем есть единственное, что мне позволяет ходить распрямившись. И если бы я больше не мог верить моему фюреру, то я хотел бы лучше умереть».

Ганс-Петер фон Пейдебрек, командир СА из Штеттина, казнен 30 июня 1934 года

«Для меня войска СС были организацией, которая присягала не на жизнь, а на смерть жить для Гитлера и его идеологии и которая была готова совершить любое убийство и любое зло».

Йозеф Цандер, в то время жил в Бад Годесберге

30 июня 1934 года террор Третьего рейха приобрел иную окраску. Черный цвет пришел на смену коричневому, перемешавшись с кроваво-красным. Его исполнители не оглушали людей громкими лозунгами и не размахивали дубинками, а молча разъезжали на темных лимузинах.

Трое сотрудников главного управления гестапо в Берлине подвели бывшего руководящего функционера нацистской партии Пауля Шульца к четырехместному автомобилю с открытым верхом. Когда они подняли мягкий верх кузова, то, как потом вспоминал Шульц, «от него пошел такой неприятный запах спекшейся крови, что, если я сперва не понимал смысла этой поездки, то теперь мне вдруг стало все совершенно ясно».

Машина стремительно понеслась через Штеглиц на Груневальд и далее, не снижая скорости, в направлении Ваннзее. Улицы были переполнены горожанами, стремящимися выбраться на природу и отдохнуть. И только за поселком Зеддин, что в тридцати минутах езды от Потсдама, гестаповцы облюбовали лес, чтобы там произвести так называемый «отстрел».

Они приказали жертве выйти из машины и отойти на несколько шагов. В распоряжении Шульца были считанные секунды. Он выбил из рук одного эсэсовца оружие, но выстрел второго настиг его, прежде чем мужчина добежал до леса.

«Когда ко мне вернулось сознание, я понял, что лежу на животе лицом вниз. В позвоночнике сильная боль, все тело в крови. Я сразу начал хрипеть и имитировать предсмертные судороги умирающего. Затем полностью затих и стал неподвижным, какими бывают покойники». Контрольный выстрел преступники сочли излишним и пошли к машине за брезентом, чтобы завернуть в него только что ими убитого. Но тяжелораненый Шульц вдруг вскочил на ноги и скрылся в лесной чаще. Ему чудом удалось спастись, и это, видимо, был единственный случай, когда люди в черных мундирах в тот субботний день, 30 июня 1934 года, не выполнили зада-

ния так, как им было приказано. Как правило, они убивали таким образом, как этого от них ожидало начальство, – продуманно, послушно, нагло, «интеллигентно» и незаметно.

Ничто не указывало в ту душную субботу на то, что войска СС приступили к массовым убийствам да еще не где-нибудь, а на территории Третьего рейха.

В стране царил покой. Людей мало волновали неделями открыто разрешаемые конфликты между партией и ее важнейшей организацией – штурмовыми отрядами (СА). Их больше интересовала драма другого рода. За неделю до этого футболисты клуба «Шальке 04» в драматическом финале завоевали национальное первенство по футболу, играя против команды 1-го ФК Нюрнберга. Перед финальным свистком судьи футболисту Эрнсту Куцорри удалось забить решающий гол и завершить игру со счетом 2:1.

Население и не догадывалось о беспощадной борьбе за власть, которая развернулась внутри руководства нацистской партии¹. Это была борьба за власть, в ходе которой ожесточенную схватку вели те парторганизации, что в пропагандистских инсценировках демонстрировали якобы мощное единство и в ханжеском маскараде, публично заверяя друг друга в преданности общему делу, сплачивались вокруг Гитлера. Это была борьба за власть, которую новые хозяева использовали и для того, чтобы свести старые счеты.

Было инсценировано судилище, сфабрикованы улики и заранее вынесен приговор. Под предлогом устранения угрозы путча штурмовиков руководители СС Генрих Гиммлер и Рейнхард Гейдрих распорядились приступить к делу согласно заблаговременно составленным спискам на лиц, подлежащих физическому уничтожению.

В этот день оправдал себя тесный союз, который они укрепляли в течение последних месяцев с такими единомышленниками, как Геринг и Борман. Это сотрудничество должно было стать основой диктатуры национал-социализма. Черные батальоны стали послушными исполнителями их воли.

В тюрьме Мюнхен-Штадельхейм под градом пуль эсэсовцев из личной охраны Адольфа Гитлера погибла вся верхушка СА. В казармах этой охраны в Берлине (район Лихтерфельде) расстрельные команды гвардейцев фюрера безжалостно уничтожали личных врагов партийной элиты. Так, бывший охранник фюрера Ганс Фишах вспоминает: «Личный состав «Лейб-гвардии Адольф Гитлер», скомплектованный из молодых людей, четко выполнял приказы типа: «Вот перед вами люди, замышлявшие путч против фюрера. Их нужно уничтожить, и баста!» Затем следовали команды: «Становись! Первая шеренга с колена, вторая стоя. Огонь!»

И приказ беспрекословно выполнялся. Рядовому эсэсовцу было тогда не до размышлений. Просто он считал, что это неизбежная необходимость в интересах государства».

На выполнение других, более ответственных заданий руководители СС посылали профессиональных киллеров. Около часа дня перед зданием Министерства транспорта остановилась автомашина штурмгауптфюрера Курта Гильуиша.

Он сразу выяснил, где находится служебный кабинет министерского чиновника доктора Эриха Клаузенера. В ведении последнего находилось судоходство страны, но для власть имущих важнее было то, чем занимался министерский директор помимо служебных обязанностей. Будучи лидером общественного движения «Католическая секция», он за неделю до конца июня провел в Берлинском парке Хоннегартен митинг, в котором приняли участие более 60 000 человек. В заключительном слове Клаузенаер воскликнул под одобрительные возгласы участников митинга: «Во имя любви к господу Богу нельзя допустить, чтобы в это нелегкое время кто-то мог быть уволен с работы!»

Кроме того, прошлое директора рейхсминистерства совсем не нравилось Герингу и Гейдриху. Клаузенаер работал в отделе полиции прусского министерства внутренних дел. И никто не знал лучше его, по каким уголовным делам проходили тогда старые национал-социалисты.

¹ Национал-социалистическая рабочая партия Германии, аббревиатура НСДАП. – *Пер.*

Когда Клаузенаер выходил из кабинета, он столкнулся лицом к лицу со своим убийцей. Гильдиш сказал ему, что он арестован.

Не успев дотянуться рукой до кармана пиджака, чиновник получил две пули в голову и рухнул замертво на пол. Тотчас у дверей кабинета были выставлены двое часовых из охраны СС.

Не оглянувшись на свою жертву, Гильдиш спешно покинул министерство, поскольку его ждали очередные подобные дела.

Вечером 30 июня 1934 года по улицам Мюнхена бесшумно сновали черные лимузины. Один из них остановился рядом с аркой Победы у дома № 3 по улице Шакштрассе.

В отличие от Пауля Шульца, доктор Вилли Шмид ни о чем не подозревал. И хотя его семья была испугана грубым поведением четырех мужчин в черной униформе, доктор успокоил жену и детей, сказав им, что скоро вернется – как только прояснится недоразумение. Да и зачем нужен эсэсовцам простой музыкальный критик?

Придерживая рукой шляпу, он наклонился и сел в машину. Эта знакомая и привычная для него поза навсегда осталась в памяти дочери Ренаты об отце. Ныне она знает, что тот лимузин отвез ее отца в Дахау, где он немедленно был расстрелян.

В невиданной доселе волне террора, захлестнувшей рейх, погибли почти сто человек, среди которых были такие политики консервативной оппозиции, как Курт Шлейхер или старый соратник Гитлера Грегор Штрассер.

После «ночи длинных ножей» началось формирование частей СС как опаснейшего инструмента «коричневой чумы».

В тот памятный день, как считает мюнхенский адвокат Отто Гричнедер, эсэсовцы успешно сдали экзамен на ремесло убийц.

В последующие годы «охранные части» быстро превратились из немногочисленной личной охраны Гитлера в чудовищный аппарат террора, который впоследствии глубоко проник во все поры и щели государства и нации.

Согласно эсэсовской мифологии, события того лета превратились в легенду о «кровочистении». Они стали как бы пробным камнем для естественного развития страны.

В сборнике наставлений «Черный корпус», изданном в 1933 году, говорилось: «Члены СС должны беречь и развивать в первую очередь... все добродетели, все ценные качества, которые подразделения СС берегли и умножали на протяжении долгих лет своего существования, и, опираясь на них, на деле доказали свою преданность фюреру, исполнительность и дисциплину».

После этой «германской варфоломеевской ночи» подразделения СС начали превращаться «в самое острое оружие гитлеровского государства», писал биограф Гитлера Ян Кержав.

Стали очевидными те инструменты, которые в последующие годы должны были обеспечивать террор СС: кажущееся всемогущество аппарата полиции и осведомителей, система лагерей, использование преданных элитных частей, личный состав которых присягал Гитлеру.

История войск СС начиналась за 11 лет до 30 июня 1934 года на кегельбане одного из прокуренных мюнхенских трактиров. Завсегдатаи пивной, сидящие в специально отведенном для них зале, то и дело заказывали спиртное по очереди сразу на всех по кругу.

Едва обслуга покидала помещение, они дружно поднимали бокалы и пили за здоровье человека, портреты которого красовались во многих мюнхенских пивных заведениях, то есть Адольфа Гитлера.

Они отдавали ему то, что еще осталось у них после войны в личном распоряжении: «Мы клянемся тебе в верности до конца своей жизни».

Эта блаженная, обильно политая пивом ночь в мае 1923 года стала той точкой отсчета, после которой начали появляться на свет «ударные отряды Гитлера». Эти первые отряды

СС, выросшие из незадолго до того созданного подразделения телохранителей под названием «штабной караул», стали основой Черного ордена, до конца преданного, как легендарные нибелунги, своему хозяину.

Даже в 1942 году их фюрер продолжал грезить, впадая в романтическую возвышенность, «настоящими мужчинами, которые были бы готовы к революционным свершениям и знали, что наступит день, когда на карту будет поставлено все».

Но действительность гротескно отличалась от грез. Торговец канцтоварами Йозеф Берхтольд, чей карликовый рост не имел ничего общего с идеалом дюжего эсэсовца, и заместитель казначея нацистской партии Юлиус Шрек сплотили вокруг себя около 20 человек.

Среди них были позже прозревшие «старые волки»: Эмиль Морис, часовщик, имевший судимость за растрату, Христиан Вебер, торговец лошадьми, мясник и борец-любитель Ульрих Граф.

Сюда относилась также группа немногословных ветеранов Первой мировой войны, которые с большой неохотой посвящали чужаков во внутренние дела отряда телохранителей. Уже в то время их беспрекословная исполнительность не знала границ. Приказы они получали только лично от Гитлера. Их единственная задача заключалась в охране его жизни, и где бы он ни появлялся, лейб-гвардия была уже на месте.

Тенью следовали телохранители за фюрером во время его посещений мюнхенских пивных.

Скоро численность отряда превысила 150 человек. В него зачислялись только те претенденты, которые уже отличились в крупных потасовках послереволюционного Мюнхена.

Их лозунг был прост: «Сила есть Право». И они убеждали в этом своих противников с помощью «резинок» и «зажигалок», как они с любовью называли резиновые дубинки и пистолеты.

Их форму украшал особый символ: «На наших черных фуражках мы носим изображение черепа в назидание врагам, а для фюрера как знак нашей готовности пожертвовать своей жизнью во имя его идей». Эти слова принадлежат Алоису Резенвинку, впоследствии ставшему активным организатором войск СС.

Эмблему мертвой головы они позаимствовали у войсковых элитных частей, так как эта эмблема в течение столетий служила знаком особой преданности военачальнику.

«Черные» гусары прусского короля-солдафона тоже носили эмблему черепа на головных уборах, как и солдаты 1-го гвардейского саперного полка резерва в Первую мировую войну. Применяя новый вид оружия, они вели боевые действия впереди пехоты, что требовало большого мужества и воли к победе. Огнеметы заслужили славу грознейшего оружия в той войне. Смерть в окопах и массовое уничтожение противника ветераны полка провозгласили очистительной «грозой огня и стали», которая оправдывает смысл и цель собственного существования.

28 июня 1916 года в торжественной обстановке командующий армией германский наследный принц присвоил солдатам этой части право носить на рукаве мундира белую эмблему «Мертвая голова», что являлось высшей наградой в войсках его армии. Поздравляя личный состав, он сказал: «Непрерывно ведя боевые действия на самых тяжелых участках фронта, офицеры и рядовой состав умело применяли оружие и смогли за короткое время стать для французов самым страшным противником в ближнем бою. Я убежден, что этот высший знак доблести для молодого рода войск будет постоянно стимулировать дальнейшее повышение боевого духа, презирающего смерть».

Боевой дух, презирающий смерть, который олицетворяла эмблема черепа, был характерен для солдат ударных частей. Они возвращались домой с твердым намерением свергнуть ненавистную Республику. «Это были простые люди. В своих сердцах и глубине души они оставались солдатами», – утверждает бывший эсэсовец Роберт Крец, который имел дело с фрон-

товиками в Мюнхене. «Одна их часть была патологически брутальна, хотя это и не бросалось в глаза, другая – относительно сдержанна и скромна, но все они вместе взятые были послушны Гитлеру», – вспоминает мюнхенский адвокат Отто Гричнедер.

Как и многие немцы, солдаты считали, что Версальский договор был «позорным миром», заключенным «преступниками Ноября», которые предали Германию.

В Мюнхене кое-что замышлялось теми, кто всем своим существом отвергал эту новую Республику.

Хаос в «Республике советов» способствовал дальнейшему усилению ненависти правых революционеров к новому государственному строю, и они жадно впитывали в себя щедрые обещания новоявленного искусителя. А когда в 1923 году разразилась невиданная инфляция, кружка пива в эсэсовском трактире «Торброй» стала стоить несколько миллиардов марок. Деньги, которые люди зарабатывали днем, к вечеру превращались в бумажный хлам.

Задача телохранителей защищать Гитлера давала возможность молодым людям поднаться над кегельбаном пивнушки, то есть с уровня среднестатистического существования в ранг «элиты», своего рода отрядов, продолжающих сражаться.

За свое новое положение они платили тем, чему их научила война: преданностью, исполнительностью и презрением к жизни.

Первую попытку свергнуть ненавистное государство Гитлер предпринял через полгода после того, как в трактире «Торброй» сообщники поклялись ему в верности.

К тому времени 1 доллар США равнялся 420 миллиардам марок. Терпение людей было исчерпано, ситуация для «национальной революции» казалась благоприятной.

8 ноября трое видных членов баварского правительства, кавалеры рыцарских крестов, фон Кар, фон Лоссов и фон Зейссер пригласили на собрание своих единомышленников в мюнхенский трактир «Бюргербройкеллер». Гитлер решил, используя этот повод, провести государственный переворот, сорвать собрание и заставить, по примеру Муссолини, политиков и военщину «двинуться маршем на красный Берлин». Ефрейтор возлагал большие надежды на поддержку справа: авторитет бывшего генерал-квартирмейстера Людендорфа должен был стать его лучшим аргументом, предназначенным для генерал-госкомиссара фон Кара.

К утру 8 ноября, когда небо над баварской метрополией полностью заволочилось тяжелыми темно-серыми тучами, Гитлер поднял по тревоге «авангард германского пробуждения», как он называл свой ударно-штурмовой отряд.

В трактире «Торброй» Йозеф Берхтольд посвятил своих людей в план действий по проведению путча: «Товарищи! Вот и наступил час, к которому все вы и я так страстно стремились. Гитлер и господин фон Кар договорились между собой, и уже сегодня вечером рейхсправительство будет свергнуто и образуется новое, во главе с Гитлером, Людендорфом и Каром. Задача, которую мы должны выполнить, может повлечь за собой крупные последствия. Но прежде чем я буду говорить дальше, предлагаю всем, кто по каким-либо причинам сомневается в правоте нашего дела, выйти сейчас из строя».

Никто из строя не вышел. Затем в тайном хранилище на улице Баланштрассе отряд вооружился пулеметами и карабинами, ручными гранатами и уехал на машинах в направлении улицы Розенхаймерштрассе.

У трактира «Бюргербройкеллер» вооруженные штурмовики, соскочив с грузовиков, полностью блокировали улицу. Сам Берхтольд стащил тяжелый пулемет с открытого кузова автомашины и установил его перед входом в пивную. С подножки подкатившей легковушки бодро спрыгнул штурмфюрер Герман Геринг. С каской на голове он, размахивая саблей, помчался вверх по лестнице служебного входа. Эта сцена была так же гротескна, как и весь путч в трактире, которому не суждено было выйти за пределы центра Мюнхена.

А внутри здания перед дверью в зал уже находился Гитлер в ожидании своих людей. Его карманные часы показывали ровно 20.30. Защелкнув крышку часов и отхлебнув последний

плоток пива из кружки, он размахнулся и театральным жестом разбил ее о стену. Затем вынул из кармана брюк браунинг, распахнул дверь и ворвался со своей свитой в зал, где проводилось собрание.

Рядом с ним находились Геринг и студенческий вожак Рудольф Гесс вместе со своими штурмовиками. Гитлер запрыгнул на стул и выстрелил в потолок, затем, используя стол, взобрался на сцену и воскликнул: «Национальная революция свершилась!». Сорвавшимся голосом он продолжал: «Этот зал оцеплен шестьюстами хорошо вооруженными людьми. Выход из зала строго запрещен. Баварское правительство свергнуто, ему на смену приходит временное рейхсправительство».

А в это же время еще один национал-революционер проводил другое собрание в пивной «Левенбройкеллер». Капитан-фронтвик Эрнст Рем приветствовал членов своего военизированного союза «Боевое знамя рейха» загадочными и многообещающими словами: «Наш вечер выйдет далеко за рамки обычного товарищеского собрания». Когда в привычной манере он начал разносить «преступников ноября» и «жидореспублику», ему сообщили о развитии событий в трактире «Бюргербройкеллер» кодовой фразой «Роды прошли благополучно».

Рем был посвящен. Не медля ни минуты, он двинулся со своими единомышленниками к зданию военного комиссариата. Это здание подлежало захвату, чтобы в нем разместить штаб-квартиру генерала Людендорфа.

Эрнст Рем тоже видел свое предназначение в войне. Автобиографию «История государственного изменника» он начинал так: «23 июля 1906 года я стал солдатом. До этого моя жизнь казалась мне нереальной. Я смотрю на мир с моей солдатской точки зрения. Сознательно односторонне. Солдат не признает никаких компромиссов».

Он презирал гражданских лиц, а обывательский мир со всеми его табу был гомосексуалисту Рему просто ненавистен.

Окопное братство личного состава штурмовых подразделений на войне он объявил высшим проявлением земной общности людей. Позже Рем увидел в этой общности первичную клетку-зародыш туманно-распльвчатого окопного социализма.

Рем пользовался репутацией примитивного рубаки. От боев на Маасских высотах осенью 1914 года у него на лице от осколка гранаты остался большой шрам, который тянулся от носа до подбородка. Из-за неудачной операции после ранения нос остался обезображенным на всю жизнь. Все это усиливало впечатление образа ландскнехта, который, казалось, только что вышел из расположения наемников времен Тридцатилетней войны.

В послевоенной Баварии он быстро нашел себе место поставщика оружия для добровольческого корпуса Эппа, который решительно выступал против оплеванной Республики советов. Позже Рем снабжал вооружением радикальные соединения и части по всей стране.

К нему тянулись нити некоторых антидемократически настроенных правых элементов. Он принадлежал целому ряду офицерских союзов монархической окраски, среди которых была созданная с его участием национал-социалистическая группировка «Железный кулак». Здесь осенью 1919 года он впервые встретился с Адольфом Гитлером.

В дальнейшем у них сложились довольно запутанные отношения. Но с самого начала этой дружбы между ними возникло и постепенно росло взаимное недоверие.

В июне 1921 года, за два года до создания «ударных отрядов», Гитлер, став новым председателем НСДАП, сразу потребовал создания отрядов из дюжих молодчиков для защиты зданий, в которых проводились мероприятия партии.

Воинственно настроенные ветераны войны Рема, казалось, специально были созданы для этой цели. Служба порядка получила название «штурмовые отряды»².

² Нем. аббревиатура СА. – Пер.

Рем и его доверенные лица вербовали в быстро растущие отряды СА совсем молодых людей, большей частью в возрасте от 17 до 24 лет, которыми командовали бывшие офицеры-фронтовики из окружения «бригады Эрхарда».

В обращении к молодежи от 3 августа 1921 года первые отряды СА обязались «служить партии НСДАП как организация железной дисциплины и быть безгранично преданными фюреру».

Штурмовики очень быстро обрели дурную славу. Любой, кто отваживался открыть рот против Гитлера в пивной или на улице, подвергался безжалостным избиениям.

Для простого наблюдателя отряды СА и Гитлер, казалось, были неразрывно связаны друг с другом и представлялись единым целым. Но на самом деле имел место серьезный конфликт между СА и их сильным хозяином на заднем плане, с одной стороны, и Гитлером и партией – с другой. Гитлер с самого начала учуял непомерное политическое честолюбие Рема.

Рем же, напротив, смотрел на партию НСДАП как на организацию по вербовке молодежи в его отряды СА, которым он отводил в будущем роль боеготовного регулярного соединения. А в Гитлере он видел прежде всего способного барабанщика, который должен был зазывать молодых людей в СА.

Рем о Гитлере в 1922 году: «Несомненно, мы должны использовать его большую пробивную силу. Но он разъезжает с легким багажом, и его дальновидность не выходит за пределы Германии. Мы своевременно уберем его с нашего пути».

Если Гитлер считал себя исключительно политиком, то Рем полагал, что он – политический солдат. «Я ставлю примат солдата выше, чем политика», – писал он позже в автобиографии. Семена конфликта были посеяны, но взошли они через 13 лет.

Хотя Гитлер назначил «своего человека» Германа Геринга командиром отрядов СА, однако их движущей силой продолжал оставаться Рем. Личный состав СА не был непосредственно подчинен Гитлеру, поэтому его положение оставалось уязвимым.

Исходя из этого, родилась идея о создании «охранных отрядов»³, своего рода личной охраны, которая должна была подчиняться только Гитлеру и быть ему безоговорочно преданна.

Кровавый финал ноябрьского путча 1923 года позже был использован в качестве легенды о первых отрядах СС, из которой затем вырос целый миф о войсках СС.

Гитлеровский план путча был наивен. Генерал-госкомиссар фон Кар беспрепятственно покинул трактир «Бюргербройкеллер» и о договоренностях с Гитлером ничего не хотел больше знать.

А рейхсвер даже и не думал сотрудничать с путчистами. Напротив, утром 9 ноября крупные подразделения рейхсвера и земельной полиции Баварии были стянуты к зданию бывшего военного министерства. Как долго милиция Рема могла еще удерживать здание, был всего лишь вопрос времени. Сохранилась фотография, показывающая, что осаждающие между тем сами превратились в осажденных.

Именно здесь впервые на политическую сцену вышел бледный мужчина в очках с никелевой оправой. Отныне он должен был играть более ответственную роль, нежели просто роль статиста.

Молодой лаборант-аграрий Генрих Гиммлер держал в руках «боевое рейхсзнамя» по поручению Эрнста Рема, которого горячо обожал. А через 11 лет он, будучи рейхсфюрером СС, организовал расправу над верхушкой СА и убийство своего бывшего кумира.

Короткая эйфория «революционеров» в трактире «Бюргербройкеллер» уже утром 9 ноября уступила место протрезвлению. В последней попытке удержать ситуацию под контролем Людендорф приказал путчистам пройти маршем по улицам Мюнхена. Шествие по городу

³ Нем. аббревиатура СС. – Пер.

должно было привлечь к себе внимание, вызвать поддержку масс и выволить из окружения Рема его сообщников.

«Весь отряд собрать в саду!» – приказал Берхтольд своим подчиненным. Там он еще раз заставил их подтвердить клятву на верность, и путчисты выстроились в колонну для движения. У площади Одеона, рядом с галереей полководцев, баварская земельная полиция численностью около 100 человек уже заняла свои позиции.

Участники марша застали врасплох полицейских оцепления, которые попытались сопротивляться с помощью резиновых дубинок, винтовок и карабинов. Но колонна продолжила движение вперед, несмотря на требование полиции остановиться. Тогда между оцеплением и участниками марша вклинилось новое подразделение полиции. Неожиданно между враждебными сторонами появился Ульрих Граф, бывший фронтовик элитной части «Мертвая голова», и громко закричал: «Не стрелять! Здесь идут его превосходительство Людендорф и Гитлер!» Но рев толпы заглушил его призыв. Над площадью Одеона раздался выстрел. Как подкошенный рухнул на землю человек в мундире, вахтмейстер полиции Финк. На улицах началась ружейная стрельба, похожая на настоящий бой, который продолжался около минуты. В ходе пальбы был убит друг Гитлера Макс-Эрвин фон Шойбнер-Рихтер. Падая, он увлек за собой Гитлера, и тот вывихнул руку.

Охранник Граф был ранен и опустился на колени возле лежащего Гитлера. Этот факт впоследствии послужил рождению легенды о том, что телохранитель якобы бросился на Гитлера, прикрыв его своим телом и принял на себя пули, предназначенные фюреру.

Из 16 убитых путчистов пятеро были из личной охраны Гитлера. Плачевный конец этой «революции» положил начало мифу. Окровавленное знамя со свастикой осталось на площади Одеона. «Знамя крови», как его позже называли нацисты, сперва исчезло в катакомбах мюнхенской полиции. Дилетантски проведенная попытка переворота впоследствии была объявлена жертвенным шествием «старых бойцов». Начиная с 1933 года, у галереи полководцев стоял «почетный караул» СС. Там 30 апреля 1945 года были взяты в плен американскими солдатами последние эсэсовцы из этого почетного караула.

Покой не воцарился в столице земли Бавария. В то время когда Гитлер отсиживал свой срок в Ландсберге в довольно комфортных условиях, неугомонный Эрнст Рем вновь приступил к созданию в Мюнхене боеспособной военизированной организации. Партия НСДАП и отряды СА были запрещены, поэтому он присвоил новому союзу название «Фронтовое единство».

Твердой рукой спланировал Рем силы, симпатизировавшие национал-социализму. Почти с взрывоопасной скоростью росла численность его новой организации.

Так, если в ноябре 1923 года отряды СА насчитывали в своем составе 2 тысячи человек, то в декабре 1924 года Рем мог с гордостью доложить освободившемуся из заключения Гитлеру о 30 тысячах членов союза «Фронтовое единство». Рем намеревался и впредь идти проторенным путем. Являясь руководителем военизированных отрядов, Рем отводил Гитлеру роль будущего барабанщика в рамках вновь созданного объединения.

Однако старый закадычный друг, казалось, сделал для себя правильные выводы из допущенных ранее ошибок. Гитлер не хотел вновь подвергать себя опасной динамичности партийной армии, грубый натиск которой не признавал никакого контроля.

Но без прикрытия партии с тыла Рем не мог рассчитывать на успех своего дела. Поэтому 30 апреля 1925 года, незадолго до отмены запрета НСДАП и отрядов СА, ему ничего не оставалось делать, как написать Гитлеру: «В память о прекрасных и тяжелых часах, которые мы вместе пережили, хочу сердечно поблагодарить за твою дружбу и просить тебя не лишать меня твоего личного дружеского расположения».

Через месяц Рем обнаружил на своем письменном столе ответное послание друга, в котором черным по белому излагалось обоснование решения Гитлера. Бюро друга сообщало: «Господин Гитлер не намеревается развешивать новое движение военного характера. Если он это

в свое время делал, то только по настоянию господ, которые потом его предали. В нынешних условиях его вполне устраивают подразделения службы охраны».

Это был неприкрытый отказ. Поэтому Рем пытался найти себя в гражданской жизни, но, не добившись видимых успехов, в 1928 году отправился в добровольную ссылку в качестве военного инструктора в Боливии. Гитлер с присущим ему чутьем на опасную конкуренцию впервые, ловко маневрируя, столкнул своего мнимого друга на обочину.

Во время заключения Гитлера в Ландсберге Рему удалось сделать «Фронтное единство» настолько мощной организацией, что ко времени выхода будущего фюрера на свободу ее влияние было во много раз весомее, чем самой партии. Это военное объединение добилося того, что еще предстояло сделать самой партии, а именно: распространить свое влияние далеко за пределы Баварии. Перед нацистской партией вновь возникла угроза оказаться в тени СА. Но теперь Гитлер лишил отряды СА их харизматического центра управления. И хотя штурмовики продолжали существовать, однако у них уже не было единой, централизованной власти. Партийная армия, регионально разобшенная, не способная к согласованным действиям, стала отходить на задний план. Она утратила роль реального фактора власти.

Отныне Гитлер мог с размахом, без оглядки приступить к упрочению своего авторитета внутри партии. Теперь он доверял только тем, кого подбирал лично.

«Я сказал себе тогда, что мне необходима личная охрана, пусть немногочисленная, но беспредельно преданная мне, члены которой могли бы пойти против собственных братьев. Лучше иметь 20 человек из одного города при условии, что на них можно полностью положиться, чем располагать большой, но ненадежной массой людей», – объяснял Гитлер спустя годы решение, принятое им в апреле 1925 года. Он приказал старому штурмовику Юлиусу Шреку сколотить для него новую личную охрану.

Шрек действовал согласно приказу шефа и быстро нашел себе горячий прием в уже знакомом месте. В мюнхенской пивной «Торброй» он сплотил вокруг себя группу старых товарищей, которые, исходя из насущных потребностей фюрера, стали называть себя «отрядом охраны», или кратко – СС. Подобно СА, отряды СС с самого начала своего существования воспринимали себя как «элитарные подразделения», безоговорочно преданные своему фюреру. Комплектование отрядов СС по своей строгости, скорее, напоминало стародавние спартанские принципы приема в спортивные общества.

Первый постулат гласил: «О хронических пьяницах, болтунах и людях с другими пороками не может быть и речи». В противоположность СА, в ряды которых, как и прежде, продолжали вступать почти все желающие, кандидаты в СС подвергались определенной системе отбора. Их возраст должен был быть в пределах 23–35 лет, они должны были назвать двух своих поручителей, проживать на одном месте не менее пяти лет (с подтверждением полиции) и быть «здоровыми и крепко сложенными».

Не только в Мюнхене, но и в других городах появлялись группировки СС. Они не представляли собой массовое движение, как СА, а были небольшими элитными отрядами партии, каждый из которых состоял из одного командира и десяти рядовых членов. И только в Берлине были два отряда, каждый численностью в 20 человек. Формально приданные СА и внешне отличающиеся от штурмовиков лишь головными уборами и нарукавными повязками с черной окантовкой вокруг свастики на коричневой рубашке, немногочисленные отряды СС появлялись на публике как безмолвные провожатые коричневых колонн.

Правила их поведения скорее напоминали, устав монастырского интерната, а не мощного ордена. В одном из приказов (1927 г.) рейхсфюрера СС Эрхарда Хейдена говорилось: «Член СС никогда не принимает участия в дискуссиях на собраниях СА. Участие в вечерах, на которых во время доклада ни один ээсовец не имеет права курить или выходить из трактира, служит политической выучке наших людей. Член СС никогда не вмешивается в дела (политическая подготовка и отряды СА), которые его не касаются»..

СС редко привлекали к себе внимание общественности, даже если они принимали участие в потасовках, как это было в Дрездене, когда эсэсовцы, обеспечивавшие проведение партсобраний, отразили атаку 50 коммунистов. По этому поводу фюрер СС Розенвик, ликуя, заявил: «Ни один левый теперь не отважится мешать нам с тех пор, как объединившиеся отряды СС Дрездена, Плауэна, Цвикау и Хемница не только капитально отдубасили коммунистов, но некоторых и повыбрасывали из окон».

А мюнхенская полиция, наоборот, даже хвалила в 1929 году «дисциплину, которую соблюдают члены СС. Малейшие нарушения предписаний, которые излагаются в текущих приказах СС, наказываются денежными штрафами, лишением права носить нарукавную повязку в течение определенного времени и отстранением от службы. Особый упор делается на поведение отдельно взятого члена СС, а также на соблюдение им установленной формы одежды».

При проверках эсэсовцы должны были предъявлять свой партбилет, удостоверение члена СС и песенник.

В 1929 году ни один видный страж Веймарской демократии не усматривал в эсэсовской песенке чего-либо предосудительного:

Если все предадут друзей, то мы остаемся верны. Чтоб всегда на этой земле трепетал наш флажок для вас.

Гитлер рано начал культивировать миф о своих «отрядах» охраны. На съезде партии в Веймаре (1926 г.) он передал в «верные руки» СС возвращённое к тому времени «Знамя крови». И с той поры в жестких ритуалах посвящения военачальник СС Якоб Гримингер носил его вслед за Гитлером. Части СС стали теперь считаться совершенно официально элитарной гвардией коричневого движения.

А отряды СА, наоборот, переживали после ухода Рема свой первый глубокий кризис. Мелкие местные организации СА действовали автономно. И только к середине 1926 года, когда партия вновь набрала силу, Гитлер решил, что наступило время покрепче привязать к себе этот людской резерв. Если с помощью Черной гвардии намечалось создание нового государства, то для обеспечения условий для этого Гитлеру нужна была масса коричневых батальонов. Они оказались незаменимы в крупных пропагандистских кампаниях.

27 июля 1926 года Гитлер предпринял попытку централизовать и взять под контроль СА. Для решения этой задачи он привлек популярного ветерана добровольческого корпуса. Геббельс кратко записал в свой дневник: «В 12 часов у шефа. Первое обсуждение. Пфефер будет рейхсфюрером СА».

Францу Пфеферу фон Саломону было хорошо известен потенциал этого войска, и хотя он отказался от создания военизированного соединения по типу Рема, но и не хотел передать СА в лакейское подчинение партии НСДАП. Хотя части СА были ограничены в своих действиях авторитетом Гитлера, Пфефер начал проявлять такое самоуправство, которое совсем не отвечало замыслам фюрера. Партия и СА не были единым целым. Угли конфликта продолжали тлеть, но общая борьба за власть на время отодвигала грозящую катастрофу. Между тем у СА появилось много важных дел. Несмотря на подспудно назревающий кризис в руководстве, в СА толпами повалили молодые люди, особенно в период экономической катастрофы 1929 года. Партийная армия заполонила страну множеством различных парадов и зрелищных мероприятий. Повсюду маршировали «коричневые батальоны». Их военная выправка, их постоянное пребывание на глазах людей производили большое впечатление на население, особенно в тех краях, куда политики до сих пор почти не заглядывали.

Политика делалась в больших городах, где одно мероприятие давало больше сторонников, нежели долгая поездка по селам. Именно там развернули свою кампанию СА, и успех был налицо.

Геббельс записал в свой дневник: «О нас начали говорить. Больше не могут замалчивать нас или проходить мимо с холодным презрением. Пусть с неохотой и разъяренной злобой, но вынуждены называть нас по именам».

С особо «разъяренной злобой» произносились имена политических противников в больших городах. Там царил неприкрытый террор. Как и до 1923 года, отряды СА срывали проведение массовых мероприятий противников, избивали коммунистов и социал-демократов, освобождая путь для партии НСДАП. При этом заклинались возвышенные цели. «СА на марше... за Гете, за Шиллера, за Канта, за Баха, за Кельнский собор, за скульптуру Бамбергского всадника... Теперь ради Гете мы должны работать пивными кружками и ножками от стульев. А когда мы победим, то снова широко распахнем руки, чтобы прижать к сердцу наши духовные ценности», – вот такие слова вложил в уста своему «герою» Хорсту Весселю поэт-певец движения Вильфрид Баде.

Донесения полиции о бесчинствах СА множились. Например, Нюрнберг, партийный съезд 1929 г. «Мы спали на соломе. У нас не было денег даже на кружку пива. Но все это – мелочи, потому что все мы были в восторге», – до сих пор тоскует о прошлом штурмовик Крец. В действительности они избивали людей и буянили. Один из отрядов СА прошел строем к зданию, где проходил съезд, остановил трамвай и преградил ему путь. Когда водитель трамвая попросил штурмовиков освободить рельсы для дальнейшего движения, они ворвались в трамвай, избив водителя и многих пассажиров. К окончанию работы съезда отряды СА умудрились совершить в Нюрнберге целый ряд актов насилия.

Один трактир был разрушен, поскольку у входа висел черно-красно-золотой флаг ненавистной Республики. Другой трактир штурмовики закидали бутылками из-под пива, потому что там укрывались от них члены профсоюза. Один штурмовик из орды ему подобных вырвал саблю у полицейского и нанес ему три укола в спину только за то, что последний пытался защитить прохожего, за которым гнались молодчики СА. Все упреки в адрес распоясавшихся погромщиков Гитлер отменил одной фразой: «Отряды СА – это не благопристойное заведение для благородных девиц, а союз жестких и решительных борцов».

Вскоре и в Берлине обычным явлением стали жестокие побоища между левыми и правыми.

Коричневые орды намеренно проникали с провокационными целями в кварталы, заселенные преимущественно рабочими и коммунистами. В районе Красного Шарлоттенбурга они часто устраивали стычки с рабочими. Другой горячей точкой для них был так называемый «Красный остров» в районе Шенеберг. Ритуально, как по сценарию, проходили стычки одна за другой. Отряды СА разъезжали по улицам на грузовиках, выкрикивали свои пароли и забрасывали камнями социально-культурные учреждения коммунистов. Коммунист Пауль Тольман так описывает противодействия своих товарищей: «У нас была определенная тактика. Сначала мы пропускали национал-социалистов, затем перекрывали улицу. А после старались по возможности их не выпускать. Если бы мы расправлялись с ними только на словах, они приезжали бы снова и снова». После прихода Гитлера к власти в стране Тольман оказался в числе первых жертв, подвергшихся пыткам СА.

Большое пополнение в ряды СА пришло после мирового экономического кризиса 1929 года, прежде всего за счет молодого пролетариата больших городов Германии. Многие искали спасения в коричневых мундирах от нужды и семейных неурядиц. В трактирах для членов СА упорно ходил миф о том, что только «коричневые батальоны» в состоянии дать обездоленным родину.

21-летний штурмовик СА писал из заключения своему товарищу: «Я прошу тебя, не пускай так часто сюда мою мать. А то она все время плачет, а у меня портится настроение. Скажи ей, если спросит, что теперь свидания с родными разрешаются только один раз в четыре

недели, или придумай еще что-нибудь такое. А я здесь больше всего скучаю по всем вам, моим товарищам».

Общежития и трактиры СА стали настоящими центрами коричневой субкультуры в больших городах. Подобно многим пивным заведениям, в трактире «Борнхольмская хижина», в мрачном зале для посетителей висело знамя со свастикой. Вблизи часто разъезжали патрули СА на велосипедах, а сама пивная при первом сигнале могла быть быстро забаррикадирована изнутри при помощи щитов и досок. Посторонних здесь встречали как врагов, а в смежных комнатах, включая кегельбан, имелись тайники, где можно было мгновенно спрятать оружие, «если неожиданно нагрянет полиция», как говорилось в одном донесении того времени.

Мужское панибратство не в последнюю очередь крепилось с помощью алкогольных напитков. Широкую огласку получил иск на возмещение убытков, которые понес берлинский трактирщик Роберт Рейсиг после того, как прусское правительство внутренних дел запретило законом в 1932 году отряды СА. Так как его основными посетителями были члены СА, он потребовал выплатить ему сумму стоимости 152,5 тонны пива, которые не были проданы за три месяца из-за потери клиентуры.

Эсэсовцы презрительно отзывались о своих мнимых соратниках из СА, а за приверженность к алкоголю называли их между собой «люмпен-пролетариатом» в партии НСДАП. «Там не было дисциплины», – свидетельствует ныне житель Гамбурга Отто Кум, который вступил в ряды СС в 1931 году.

Чаще всего в Берлине стиралась грань между криминальными элементами и членами СА. Многие уголовники имели удостоверение члена СА. В Вединге (район Берлина) объединенная группа СА, носившая прозвище «группа разбойников», вела борьбу против законов и коммунистов. Издание «Официальная история берлинских частей СА» даже заигрывало с дурной славой подонков из Нойкельна (район Берлина): «Свыше 3000 красных активистов были бесстрашны перед 70 штурмовиками СА опорного пункта «Штурм-25». Эта горстка людей, состоящая на 80 % из рабочих – прожженных громил, – с честью выдержала их натиск». Берлинцы называли этот опорный пункт «гнездом разврата». В Шарлоттенбурге (район Берлина) хозяйничал опорный пункт «Штурм-33», который имел пресловутую репутацию. У берлинцев он получил прозвище «логово убийц» после того, как в новогодние дни 1930–1931 годов его личный состав за несколько дней отправил на тот свет или покалечил немало мирных горожан. 22 ноября 1930 года в клубе «Эдем» проводили свой вечер танцев члены коммунистического союза пеших туристов «Сокол». Вдруг в зал ворвались два десятка штурмовиков СА. С криками «Бей собак!» они набросились на отдыхающих молодых людей, начали избивать их и стрелять куда попало. Трое рабочих погибли от пулевых ранений, лежа на полу в лужах крови. На этот раз коричневые громилы попали на скамью подсудимых. Они обвинялись в преднамеренном убийстве, нарушении общественного порядка и нанесении увечий пострадавшим. Молодой адвокат доктор Ганс Литтен представлял параллельное обвинение против четырех членов СА, и ему удалась небольшая сенсация. 8 мая 1931 года он вызвал Адольфа Гитлера в суд в качестве свидетеля по уголовным делам в районе Берлин-Моабит. По собственному признанию, Литтен намеревался сорвать маску с лица национал-социализма, разоблачить террористическую сущность национал-социалистической идеологии. Он попытался доказать на фактах, что партия НСДАП не только не обращает внимания на акты насилия, но в своей политике отводит террору решающую роль.

Допрос продолжался два часа. Гитлер держался самоуверенно. Он не уставал механически повторять: «Отряды СА строжайше подчиняются заповеди не помышлять о насилии против инакомыслящих».

Тогда Литтен зачитал Гитлеру многочисленные высказывания берлинского гаулейтера Геббельса, из которых следовало, что «противники должны быть растоптаны в кашу». Чем дальше продолжался опрос, тем беспокойнее становился Гитлер. Наконец он не выдержал.

Вскочив, он с побагровевшим от злобы лицом закричал: «Какое вы, господин адвокат, имеете право утверждать, что это есть призыв к противозаконным действиям? Это ничем не доказанное заявление!»

Литтен добился осуждения обвиняемых. Но он и не предполагал тогда, что участие в этом судебном процессе обернется для него собственным смертельным приговором. Литтен был одним из первых, кто в 1933 году попал в предварительное заключение.

После ряда лет жестокого обращения и переводов в различные концлагеря мужественный адвокат покончил с собой в Дахау 5 февраля 1938 года.

Даже одной статистики страхования членов СА достаточно, чтобы убедиться: насилие было важнейшим средством пропаганды штурмовых отрядов. Шеф СА Мартин Борман отмечал резкий рост числа членов организации, получивших ранения «при исполнении служебных обязанностей»: от 110 человек в 1927 году до 2506 в 1930 году. Подобная картина отмечалась и в сообщениях полиции. Так, если в 1929 году полицейскими чиновниками было зарегистрировано в Пруссии 580 стычек, то в 1930 году их было уже 2500, а в 1932 даже 5300.

В ходе кровавой предвыборной кампании в первой половине 1932 года погибли 86 человек, а за шесть недель до выборов к ним прибавились еще 72 человеческие жизни.

Стратегия насилия имела успех. Непрерывно росла численность отрядов СА, несмотря на убитых и раненых среди штурмовиков.

Но возникал вопрос: а оправдывалось ли такое самопожертвование во имя партии для них лично? Причем теперь противник находился не только «слева». Все больше членов СА видели его и в самой национал-социалистической партии, и в ее руководстве. Они выступали против «партийных бонз» и их враждебного курса. Именно в среде штурмовиков теплилась надежда на социалистические преобразования.

«Под словом «национал-социализм» я мог себе представить нечто реальное. Тогда надо было мыслить национально и быть социально справедливым», – вспоминает берлинец Герберт Грюгер, который подростком прибил к «Фронтovому единству» – законспирированной организации СА.

Порой приходилось советоваться даже с коммунистами, обмениваться с ними информацией. Единодушно бастовали коричневые и красные колонны берлинцев против повышения цен на городском транспорте. А некоторые части СС даже сравнивались с бифштексом, коричневым снаружи и красным внутри. Расплывчатые представления о социализме порождали настроения недоверия к собственной партии. Уже в 1929 году в пивных заведениях СА начал муссироваться лозунг: «Гитлер предает нас, пролетариев!» Революционно настроенные члены СА заклеили в своих листовках: «Предательство партийной клики во главе с Гитлером». Обращаясь к своему верховному лидеру, они в стихах с разухабистыми рифмами писали:

Решив отблагодарить своих денежных давал,
Он прекращает «борьбу» против финансового капитала.
Что ему до забот народа?
Что ему до того, что будет завтра?

Тогда же появилось требование: «Берегите старые идеалы! Не терпите предательство социализма со стороны корыстных политических карьеристов, для которых партия – лишь средство для достижения своих целей!»

Градом посыпались гневные обличения, адресованные партийной верхушке, когда Гитлер приобрел для себя новый дорогостоящий «мерседес» для служебного пользования: «Мы, пролетарские элементы движения, довольны и тем, что у нас есть. Мы с удовольствием перебиваемся с хлеба на квас, лишь бы нашим дорогим руководителям хорошо жилось с их месячными окладами от двух до пяти тысяч марок. Нас необычайно обрадовала весть о том, что на

Берлинской автомобильной выставке наш Адольф Гитлер купил себе новый большой «мерседес» за 40 000 рейхсмарок».

Штурмовики СА наконец-то потребовали денежных компенсаций за свои пробитые черепа и поломанные кости. Не кто иной как берлинский фюрер СА Вальтер Штеннес, заместитель Пфедера, несколько раз требовал в Мюнхене выделения парламентских мандатов для СА. А когда руководство партии при составлении списков кандидатов на выборы в рейхстаг в 1930 году снова обошло Штеннеса, разразился громкий скандал. Партийная армия объявила забастовку, направленную против партии.

В берлинском Дворце спорта у главного оратора гаулейтера Геббельса отнялся язык, когда он узнал, что служба охраны СА самовольно покинула зал, оставив публику без присмотра и защиты.

Против Геббельса была проведена демонстрация солдат партии, которые строем прошли к площади Виттенберг-плац. Штурмовики открыто угрожали «разогнать геббельсовский балаган».

Реакция Геббельса не заставила себя ждать. Он немедленно позвал на помощь людей, которым можно было довериться. Местные отряды СС под руководством Курта Далюге приняли на себя обязанности по охране порядка во Дворце спорта.

Так впервые партия открыто выставила свою гвардию против сотоварищей из СА. Месть последовала без промедления. Через два дня, 30 августа штурмовики напали на личный состав караула СС в резиденции гаулейтера Геббельса, то есть руководителя партии НСДАП в Берлине. Гитлер срочно прибыл в Берлин, объехал все питейные заведения СА. Его предложение: требованиям Штеннеса – зеленый свет по всем основным вопросам. 1 сентября спор на какое-то время, казалось, был улажен, но в сознании Гитлера снова ожила опасность, которая угрожающе надвигалась со стороны анархически настроенных коричневорубашечников.

И вновь он предпринял попытку приструнить партийное войско и найти замену ушедшему в отставку руководителю СА полковнику Пфедеру. Так вернулся к родному делу старый соратник Гитлера, появления которого никто не ожидал. Закадычный друг Эрнст Рем вернулся домой из Боливии в конце 1930 года.

Гитлер считал, что он сделал тактически умный шахматный ход. Рем, все еще имеющий отличную репутацию в СА, казалось, навсегда избавился от иллюзий окопных боев. Но Гитлер не знал о том, что, находясь в далекой Южной Америке, Рем не прекращал строить козни против «фюрера». «Дольф – это осел», – писал он в 1928 году своим школьным почерком на почтовой открытке одному из своих друзей.

Но и Рем не мог восстановить дисциплину в СА так быстро, как этого от него ожидали. Ропщущие бунтари не желали покорно подчиниться верхам. Прошел год после первого выступления Штеинеса, а листовки продолжали ходить по рукам: «Национал-социалисты Берлина! Гаулейтер Берлина доктор Йозеф Геббельс отстранен от должности за невыполнение служебных обязанностей. И теперь задача заключается в том, чтобы не допустить предательства в отношении СА и национального социализма. Войска СА – на марше, Штеннес берет командование на себя».

Руководитель СА в Берлине Вальтер Штеннес вновь потребовал выделения парламентских мандатов для членов СА, и опять руководство партии ему отказало.

«Никто не может безнаказанно находиться у власти длительное время, проводя политику, враждебную настроениям и взглядам лучшей составной части народа, то есть войск СА», – угрожал Штеннес.

С удивлением наблюдали политические противники, как партия НСДАП, проводя гротескные стычки на второстепенных направлениях, приближается к своему вероятному развалу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.